

ленных документов, написанных на бересте, которые были найдены во время археологических раскопок в Новгороде и в некоторых других местах. Эти открытия обогатили славянскую филологию знакомством с особым по палеографическим признакам «деловым письмом», которое во многом связано с письмом заметок и записей на различных остатках предметов материальной культуры.²⁰ Хотя в языке отдельных документов обнаружены кое-где свойства литературного языка и даже поэтического стиля (№ 10, XV в.), все же, как это справедливо подчеркивает В. В. Виноградов,²¹ нельзя их считать памятниками древнерусского литературного языка, а можно рассматривать лишь как документацию народной речи и деловой письменности, которая существенно отличается от литературы.²²

Вопрос о различии между письменностью и литературой как особыми культурно-историческими явлениями исследован Д. С. Лихачевым.²³ Появление письменности он рассматривает как результат классовой дифференциации общества в эпоху перехода от патриархально-родовой к феодальной формации, а начало литературы — как результат дальнейшего развития того же процесса в направлении усиления княжеской власти, которой принята из Византии христианская церковь со своей письменностью дала идеологическую надстройку. Эта письменность привилась на почве собственного художественного творчества, которое до того развивалось в области устного народного эпоса, а также и на базе деловой письменности, которая уже в предшествующем периоде служила практическим потребностям в международной дипломатической переписке, в частности в правовых актах, в торговле и ремесленничестве.

При всей справедливости такого подхода к проблеме функционального разграничения процессов возникновения деловой письменности и литературы мне представляется, что в применении к древней Руси это разграничение трудно было бы втиснуть в строгие хронологические рамки. Такое хронологическое разграничение могло бы найти свое оправдание в применении к «доисторической» эпохе, когда «черты и резы», так же как и пользование чужим письмом, могли служить для важнейших деловых записей — в противоположность памяти, которая в форме произведений народной словесности оформляла религиозные представления, формулировала этические и правовые нормы и хранила историческую традицию. Между тем на Руси время, с которого источники начинают сообщать конкретные данные о деятельности первых русских князей и их войнах с Византией, — последняя треть IX в. — совпадает с начатками христианизации Руси и с появлением славянского письма, так же как и с рождением старославянской литературы в рамках кирилло-мефодиевской деятельности по просвещению славян. Перенесение славянского письма в Восточную Европу должно было в то время идти параллельно с христианской проповедью. Если уже в начале X в. существовали славянские переводы русско-византийских договоров и если тогда, а может быть, и несколько ранее, где-то в Киеве велись краткие исторические заметки вроде сохранившихся упоминаний о смерти Аскольдова сына или об уграх, прошедших в 898 г. около Киева, то, по всей вероятности, это делалось членами тогдашней христианской общины, научившимися славянскому письму на текстах из Библии, Евангелия, Псалтири и литургических книг. По своей краткости

²⁰ Л. В. Черепнин. Русская палеография. М., 1956, стр. 116—125.

²¹ Виноградов, стр. 22—24.

²² Новый обзор вопроса: Л. П. Жуковская. Новгородские берестяные грамоты. М., 1959 (здесь приведена литература о предмете).

²³ Д. С. Лихачев. 1) Исторические предпосылки возникновения русской письменности и русской литературы. — Вопросы истории. М., 1951, № 12, стр. 30—54; 2) Возникновение русской литературы. М.—Л., 1952.